

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

© 1995 г., ЭО, № 3

Фредрик Барт

ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ В КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ *

После происшедших в последнее время серьезных изменений в методологии культурной антропологии едва ли приходится удивляться тому, что многие наши работы оказываются реакцией на критические нападки со стороны представителей постмодернизма, рефлексивного подхода и интерпретаторства. Но предстоит теперь заново собрать разрозненные части классической антропологии и заново осмыслить ее задачи, не отвергая, а трансформируя критику и включая ее в свою работу, поскольку она способствует росту нашей восприимчивости и мастерства.

Эта задача может потребовать существенного пересмотра фундаментальных гипотез и концепций. Пока же к ней приступили лишь на отдельных, не связанных между собой направлениях.

При всем том я наблюдаю значительное сближение взглядов многих коллег, что и попытаюсь показать в последующем изложении. Но прежде чем сделать это, нам следует заново рассмотреть приоритетные направления и проблемы, к которым было приковано в последнее время наше внимание. Это необходимо для того, чтобы убедиться: мы восстанавливаем именно те традиционные ориентиры, которые считались ценными для нас и которые, возможно, оказались затененными в ходе дебатов последнего десятилетия.

Размышления о сегодняшней культурной и социальной антропологии

Для оценки прошлого и перспектив антропологии важно рассмотреть, для каких целей она используется и для чего она могла бы быть использована. Наши теоретические работы часто произвольно ориентированы на изучение конкретных вопросов в ущерб анализу более широкой проблематики.

Антропология возникла как отрасль естественной истории, занимавшаяся изучением первобытного человека, культур и обществ дикарей. Постепенно она превратилась в науку, занимающуюся сравнительными исследованиями образа жизни людей, целью которых является более глубокое познание потенциала человека, а также основ и форм его жизнедеятельности. Изучение под таким углом зрения культур, самым радикальным образом отличающихся от нашей собственной, всегда было и остается особенно важным. На основе такого рода исследований наша дисциплина обрела ту широту проблематики и ориентаций, которая была одновременно и силой и слабостью последних двух поколений исследователей.

По причине сугубой умозрительности критического подхода к выбору иссле-

* Журнал продолжает публикацию статей из книги «Assessing Cultural Anthropology» (см. ЭО, 1995, № 1).

довательских приоритетов и интересов мы утратили многое и в наблюдаемых связях с реальным миром, и в остроте нашей проблематики. Для иллюстрации этого утверждения достаточно упомянуть несколько отсутствующих в антропологии тем. Слишком мало антропология говорит о явлении хронической бедности, поражающей сотни миллионов людей во всех крупнейших городах мира. Мы до сих пор не смогли ни сформулировать свою позицию, ни даже выразить заметного интереса к тому факту, что деятельность людей выражается уже в уничтожении самого места обитания человечества на земном шаре. Мы лишь поверхностно затрагиваем проблему растущего в современном мире культурного плюрализма и смешивания культур в результате развития систем коммуникации.

Я не хочу сказать, что программа наших исследований должна определяться в зависимости от изменчивых политических приоритетов. Наоборот, я считаю, что наше внимание должно распространяться на все основные аспекты жизни человека. В своих дискуссиях нам следует опережать правительства и общественность. Наша дисциплина должна гораздо лучше использоваться для постановки и формулирования проблем, которые заслуживают внимания и ученых, и общественности. Необходимо признать также, что наиболее принципиальные положения наших теорий во многих случаях следует апробировать на практике, способной выявить их эффективность и соответствие действительности.

Если нам предстоит выбирать будущие направления в антропологии, руководствуясь указанными нормами, то с чего следует начать? Первый шаг — это научиться лучше и более конструктивно использовать уже достигнутое коллегами и предшественниками, исходившими из иных посылок. Только внимательное отношение и бережное обращение с плодотворными идеями может увеличить силу нашей дисциплины.

Теоретическое творчество нуждается, конечно, в свободе критиковать и отвергать, в независимости конвенций, а также в готовности изучать другие, более радикальные позиции. Но при этом теоретическое творчество нуждается и в хорошо отлаженном механизме сопротивления последним. Творческие потенции нельзя усилить с помощью лихорадочной погони за последней модой и отбрасывания за ненадобностью всех альтернативных и более ранних взглядов. В американских академических кругах обнаруживается, например, ярко выраженная склонность к стереотипной оригинальности, которая легко порождает ограниченность и догматизм, многочисленные школы и секты, но не способствует в достаточной мере развитию скептицизма, взвешенности суждений и игре интеллекта.

Постмодернистское «восстание» против стереотипов было бы более плодотворным, будь оно менее озабочено стилем и отдай оно предпочтение сути, а не форме. Нам следует стремиться к меньшей безапелляционности и скоропалительности суждений, к большему плюрализму в рамках наших собственных подходов и учитывать аналогичный плюрализм, существующий в иной, референтной для нас среде.

Важным экзаменом для любой новой системы идей является определение того, что произойдет, если мы попытаемся описать факты и идеи прежних парадигм при помощи новых понятий, а затем, не ограничиваясь только воспеванием достижений этой новой системы, критически рассмотреть, что она привносит нового по сравнению с тем, что утрачивается.

Перспективы релятивности

Один из важных подходов антропологии, особенно заслуживающий возрождения, представляет собой умеренный вариант идеи релятивности, которая подразумевает, что «наш» западный образ жизни — это лишь один из многих в числе других и в равной степени возможных. Этот подход оказался почти утерянным из-за поляризации понятий «мы» и «они», вызванной рефлексивностью и выразившейся в эгоцентричности позиции этнографа по отношению к «иному».

В релятивизме, предлагающем разнообразие всевозможных культурных альтернатив, воплощен тот реализм, которому следует учиться каждому новому

поколению. В этом и заключается его важность, поскольку он порождает терпимость, которая способствует улучшению межэтнических отношений, но обычно недостаточно осознается людьми. Ни одна другая дисциплина не может учить этому лучше, чем антропология. Для самой антропологии такой подход важен с точки зрения теории и методологии — подобно правилу большого пальца в физике.

Для решения любой из проблем человеческого бытия могут найтись самые разнообразные варианты, которые должны основываться на знаниях о людях, размышлениях и сравнениях. И наконец, практическое применение релятивистского подхода последовательно ведет к отказу от использования «нашей» культуры в качестве самоочевидной меры оценки всех других форм культуры. Указанный подход способствует, таким образом, превращению антропологии в общую для всего человечества сферу, открытую для равноправных дискуссий относительно любых культурных форм с участием непосредственных носителей различных культурных типов. Рассуждение же на тему «Мы и другие» не может способствовать такому единению.

Этот подход не отрицает исторических истоков антропологии, но содействует восхождению ее на более высокий уровень. Не отрицает он ни скрытых, ни явных установок, которые могут содержаться в различных позициях антропологов. Вместе с тем он требует, чтобы данные установки были открыты для обсуждения и четко сформулированы: это важно для антропологии, которая стремится к универсализации языка дискуссий.

Изучение традиций человеческого знания

Первый принцип этого исследовательского направления будет заключаться, если мы примем сформулированное Раппапортом (с. 154) * положение, в том, что род человеческий «существует и может существовать лишь в тех понятиях, которые он сам должен создавать в окружающем мире, лишенном какой-либо внутренне присущей ему идеи, но подчиняющейся естественному закону»¹.

Возникают, однако, серьезные разногласия, как моделировать такое условие, как подступиться к огромному разнообразию создаваемых понятий, соотнося их с миром физических ограничений и биологических процессов.

Наш анализ только выиграет, если мы уделим внимание той пограничной области, где взаимодействуют понятия и естественный закон, т. е. изучению традиций человеческого познания. Я хотел бы подойти к этому вопросу с позиции изучения частных случаев, дающей возможность рассматривать явления с наибольшей приближенностью к ним.

Иначе говоря, я согласен с раздающимися все громче предостережениями против чрезмерного увлечения поиском сущностей (Вайда, с. 321 и сл.). Как я полагаю, лучший способ избежать ловушек на этом пути — начинать с частного и наблюдать взаимосвязи во времени и во всем их разнообразии. В ходе такого рода работы будут возникать проблемы, бросающие нам вызов, просвещающие нас и потому необходимые.

Если наша начальная цель ограничивается лишь адекватным описанием находящегося перед нашим взором, то в этом случае не будет необходимости выявлять «сущностное» и мы будем чувствовать себя менее обязанными опускать другие аспекты исследуемого, которые также становятся видимыми благодаря нашим подходам к описательной работе. Мы получим более ясную картину того, что находится перед нами, и одновременно больше времени для углубленного анализа особенностей увиденного.

Без всяких особых усилий с нашей стороны эти описания обнаружат вариативность и заставят нас признать ее как неотъемлемую черту того, что мы видим. До настоящего времени эта вариативность оказывалась «заметеной в

* Здесь и далее ссылки на статьи из представленной книги.

угол», подальше от наших глаз, общей «метлой» тех заранее установленных догм, в силу которых мы верим, что находящееся перед нами — это отражение групповых представлений, норм и структур. В некоторых случаях такая позиция может, конечно, оказаться вполне адекватной, но первой бросающейся в глаза характеристикой собранных нами указанным выше способом данных будут все же разнообразие и вариативность. Эта вариативность должна стимулировать наше стремление к сравнительному анализу и вести к дальнейшим открытиям по мере нашего продвижения по пути поиска повторяющихся ковариаций, а через последние — и возможных связей.

Изучение частного

Первым методологическим правилом в таком подходе должно быть использование или разработка техники поиска, которая позволила бы нам исследовать частное в его изменчивости, вместо следования шаблонам и схемам, побуждающим нас к поспешным схватыванию и характеристике (предполагаемой сущности) целого. Это означает, что нам следует выработать более осознанное отношение к тому, как мы проводим наше наблюдение, и быть менее озабоченными тем, что предстоит найти.

Во избежание опасности быть погребенным под лавиной самых разнообразных фактов нам следует иметь некоторые предварительные правила их сортирования, отбора и взаимоувязывания.

Антропология традиционно полагается на таксономию и накопление примеров в рамках таксономического класса, т. е. на процедуру, которая редко позволяет нам выходить за рамки устоявшихся категорий и находить неожиданное. Хотя я и выступаю за возвращение к сравнительному методу, но не вижу большой необходимости в возвращении к разработке типологий: следует уделять больше внимания контексту частного, т. е. его корням и связям. Это означает, что мы должны учиться у Батесона «видеть те петли», которые, соединяя события водно, дают нам ключ к пониманию связей и системности.

Это замедлит работу по созданию четко сформулированных теорий, но одновременно даст возможность уделять больше внимания альтернативным вариантам такой организации исследований, при которых мы в наименьшей степени нарушали бы целостность объекта наблюдения, рассекая его на части.

Один из современных принципов организации работы подчеркивает важность коллективизма и разнохарактерности исследователей, принимающих участие в полевых работах, что способствует расширению рамок исследований и их разнообразию. Я уделю бы больше внимания познанию точного смысла того, с чем мы сталкиваемся на практике.

Внимание исследователей следовало бы перенести с теоретических дискуссий по поводу объективности, интерпретаций и стиля описаний на практическую полевую работу, с тем чтобы факты и их описание приобрели экзистенциальный статус (т. е. стали реальностью не только для их участников, но и для наблюдателя. — *Примеч. перев.*). Так, например, нам нужно сознавать, что даже наилучшее описание событий каким-либо отдельным его участником — это всего лишь описание, а не «то, что произошло в действительности». Необходимо считаться не только с возможностью того, что люди намеренно вводят нас в заблуждение или что мы их неправильно понимаем, но и с тем, что с их стороны присутствует интерпретация того, что произошло в действительности, с точки зрения их собственной культуры. Мы должны постоянно отдавать себе отчет в неизбежной специфичности любой интерпретации.

Если подходить к традициям знания со всей серьезностью и с учетом наличия некой пограничной области между миром значений и миром естественным, то следует быть особенно внимательным и точным при сопоставлении и описании материала, так чтобы удержаться на остром лезвии этой переходной зоны. Чтобы исследовать процесс познания, мы стремимся понять, как непосредственные

частники этого процесса взаимодействуют с внешним миром. Поэтому нам необходимо проводить свои исследования как изнутри культурной среды, чтобы понять в какой-то степени значение действий и событий, так и вовне присущих ей способов восприятия мира, чтобы суметь составить некоторое представление о том, как причинные связи внешнего мира преломляются в создаваемой человеком культуре.

Две загадки

Изложенная выше постановка вопроса приводит нас к столкновению с двумя фундаментальными загадками, занимающими значительное место в современной теории: 1) каким образом возможно проникнуть в мир чужой культуры и обеспечить верность его изображения, пользуясь при этом традициями нашей собственной системы знаний², 2) как можно надеяться на постижение их (представителей этой культуры.— *Примеч. ред.*) взгляда на реальность и на события в том внешнем мире, который они сами пытаются постичь и использовать в практической деятельности, исходя при этом из того, что наше собственное видение этого мира представляет собой лишь одну из частных культурных интерпретаций, а именно нашу собственную. Разрешением именно этих загадок занимается интерпретивная, рефлексивная и постмодернистская теория.

Постмодернистский подход к этнографической полевой работе заставил нас усомниться в способности описывать иные культуры, отличные от нашей собственной. Убедительная и объективная критика с позиций позитивизма заставила нас стать более осмотрительными, когда мы сопоставляем с *фактами* сообщения, сделанные по поводу какой-либо определенной культуры.

Одна из ошибок заключалась в безоговорочном и неточном использовании местоимений, искажившем проблему перехода с языка одной культуры на язык другой. Понятия «наш» и «их» мир — это грандиозная фикция. Что такое «наш» мир? Мир разделяемых всеми западных концепций? Мир концепций американского среднего класса? Мир концепций физика-ядерщика? Мудрствующего философа? Того или иного антрополога? Мир концепций убежденного марксиста? Функционалиста? Скептика постмодернизма? Несомненно, что детализация любой из этих альтернатив в сравнении с любой другой внесет значительные изменения в тот мир, который мы назвали бы «нашим». А что же произойдет с их миром, если мы признаем ряд неучитываемых фактов, связанных с разными позициями, вариациями и ориентациями, которые имеются у тех, кого мы решили называть членами другого «общества»?

Более того, само различие между дихотомическими мирами по принципу «мы» и «они» оказывается размытым, когда я обнаруживаю, что, возможно, имеется в значительной мере не изученная и уж определенно не детализированная область взаимодействия моих собственных понятий и понятий любой иной конкретной личности вне зависимости от ее культурной принадлежности, положения и опыта. Дихотомические, гомогенизированные и целостные культуры просто не могут служить в качестве адекватных моделей, на основе которых можно было бы критиковать, обсуждать и пересматривать методологию антропологии, если уж мы признали наличие разнообразия позиций и концепций в любом человеческом сообществе, а также существование нынешней глобальной коммуникативной системы³.

Таким образом, вопрос о путях достижения взаимопонимания не может рассматриваться как специфическая загадка, относящаяся лишь к области кросс-культурных связей. Мы должны видеть в нем одну из главных трудностей, подлежащую в той или иной мере преодолению в каждом случае взаимодействия и общения. Муки рефлексивной мысли, о которых говорят в «антропологических исповедальнях», являются, как мы видим, всего лишь отражением или парикатурой той интерпретаторской работы, которая должна прodelываться любым

участником социальных связей. Антропологи могут узнать гораздо больше, если будут меньше поглощены саморефлексией и станут уделять больше внимания другим, тому, как эти другие справляются со своими задачами в повседневной жизни.

Три модификации традиционной концепции культуры

Для того чтобы извлечь пользу из критики антропологии последнего времени, нам следует отметить следующие черты культуры, выдвинутые этой критикой на первый план: многозначность, множественность возможных интерпретаций и изменчивость культуры.

Указывая на эти черты, следует задаться двумя вопросами. Первый: как можно наилучшим образом смоделировать такие неупорядоченные системы, которые находятся на значительном удалении и от полюса полной упорядоченности, и от полюса полного хаоса? И второй: каковы были бы последствия для процессов социального взаимодействия, а также для воспроизводства или изменения нынешних условий, если указанные выше черты действительно были бы наиболее характерными для культуры и социальной жизни?

Каким образом возможно моделирование процессов взаимодействия, общения и создания понятий, обеспечивающее одновременно описание и социальной жизни в ее развитии, и того, как эти процессы воспроизводят предварительные условия своего собственного существования? Поскольку такой подход является основополагающим для создания любой модели подобного рода, постольку еще более важной оказывается и необходимость предварительной и реалистической оценки того, как в действительности создаются и распространяются культуры. Это имеет решающее значение для анализа социальных отношений и процесса создания понятий, вырабатываемых культурами.

В таком ключе я бы сформулировал те три недавно появившиеся и особенно плодотворные модификации более традиционной концепции культуры, которые делают ее еще более естественной и должны иметь существенное значение для нашего метода. Для большей ясности я излагаю их в виде утверждений.

1. Все концепции неотделимы от практики, и поэтому их дефиниции и направленность могут определяться только в контексте этой практики.

2. Все точки зрения субъективны и контекстуальны; всякие антропологические описания и обобщения относительно какой-либо культурной традиции будут представлять собой конструкции, создаваемые самим антропологом на основе его собственных суждений и анализа.

3. Все понятия без исключения оказываются спорными и неоднозначными по отношению к различным социальным группам и культурным традициям.

Все концепции неотделимы от практики. Первое из указанных выше утверждений подразумевает, что культура продуцирует понятия, но при этом идеи и концепции не могут моделироваться так, как если бы они были абстрактными, сугубо логическими построениями, связанными друг с другом в рамках упорядоченной, универсальной науки. Идеи и концепции, напротив, представляют собой лишь образы действительности, которые мы используем в нашем взаимодействии с внешним миром, т. е. они обусловлены контекстом и целями деятельности, а также друг другом. Дефиниции этих идей сопряжены с правилами, связывающими их с реальной деятельностью, которой они обусловлены. Для того чтобы понять данные идеи и концепции, не следует рассматривать их в отрыве от таких связей, только как абстракции. Мы должны рассматривать идеи и концепции также в рамках практического применения, т. е. в контексте процесса познания.

Все это непосредственно касается как нашего принципиального отношения к полевой работе, так и способов ее осуществления. Оптимальными для концепций культуры являются материалы, которые наполняют их конкретным контекстом. Отсюда особая важность включенного наблюдения, дающего доступ к совершенно спонтанным материалам о конкретных людях, говорящих и действующих в реальной обстановке.

Сказав, что нам следует уделять внимание контексту, мы практически имеем в виду, что надо уделять внимание абсолютно всем его аспектам, ибо как можно определить, *какие* из элементов контекста являются значимыми для нас? Я не могу предложить никакого заранее теоретически обоснованного ответа на этот вопрос. Но я уже отметил необходимость особого внимания к *знанию*, т. е. к тем понятиям, с помощью которых люди соотносятся напрямую с внешним миром и которые могут помочь нам в качестве предмета изучения при попытках исследовать их концепции и интересы.

Полезность изучения понятий в их практическом контексте состоит и в том, что оно дает возможность наблюдать те *социальные* процессы, в ткань которых эти понятия включены. Большинство понятий вызывается к жизни и используется в ситуациях сотрудничества и взаимодействия. В таких условиях результат, т. е. то, как понятие соотносится с отраженным миром, частично определяется последовательно меняющимися формами взаимодействия, а также концептуальными представлениями отдельных его участников.

В конструкциях, создаваемых людьми в играх по аналогии с жизненными ситуациями, например в шахматах, мы видим, что «смысл» мата выявляется как кульминация целой серии ходов, которая не может быть предусмотрена никаким наставлением и ни одним из игроков. Подобным же образом в практической жизни послышки, предопределяющие значение результата, выявляются через наше взаимодействие друг с другом; реализуемые конечные формы обуславливаются конкретной социальной организацией, а наши чувства радости, разочарования и наше понимание являются продуктом социологии взаимодействия, а также наших схем интерпретации и классификации.

Такой подход обещает или по меньшей мере дает надежду на то, что мы сможем перейти от изучения отдельных и конкретных форм культуры к более полному исследованию опыта, опосредованного ею. Если так, то значительно возрастает наша способность моделировать существующее разнообразие значений-понятий, через которые люди сообщаются с миром и с помощью которых они создают свое мировидение.

Все точки зрения субъективны и контекстуальны. Второе утверждение относительно того, что все точки зрения являются контекстуально обусловленными, может на первый взгляд показаться менее опасным для традиционной антропологической практики. Оно побуждает нас к более внимательному отношению к конкретным лицам и интересам, а также к разнообразию явлений в целом. Я считаю, что соответствующие данные и множественность их параметров настолько велики и разнообразны, что ни в коем случае не могут быть сведены к вопросу о статистическом моделировании. При этом всегда будет существовать потребность в тщательном, качественном описании, хотя особенно ценными будут и количественные данные по отдельным конкретным характеристикам.

Такого рода концепция культуры, базирующаяся на представлении о дифференцированном распределении необходимых антропологу понятийных материалов среди населения, имеет своим следствием признание того, что в значительной своей части место действия и взаимосвязи одушевлены различиями между людьми в их знаниях, ценностях, понятиях и перспективах. Моделирование этого распределения и вытекающих из него взаимодействий, а также процессов, в ходе которых происходит воспроизводство и самих различий, и порождаемой ими динамики, составляет центральную тему исследования социальной организации и социологии знания.

Признаваемый настоящим подходом принцип множественности мнений означает, конечно же, что ни одно из них не может быть в привилегированном положении и никто не может претендовать на единственно верное представление о сущностном и определяющем варианте «культуры». Это означает не утрату точности в наших описаниях, а скорее, недопущение искажений и *улучшение* их качества за счет большей достоверности. Не означает это и преуменьшения

важности туземных моделей и «голоса коренного населения» в наших этнографических работах.

Вместе с тем нет никакой возможности избежать того, что наш текст останется только репрезентативным описанием, будь он представлен либо в форме коллажа из цитат, либо как результат сотрудничества между этнографом и информатором, либо в форме строгой модели и ее анализа. Поэтому перед нами встает необходимость разработать более обоснованные рамки нашего выбора и уделить больше внимания теоретическим посылкам.

Но какого рода моделирование требуется? Может быть, мы поступим наилучшим образом, если перестанем отдавать предпочтение принципу репрезентации «культуры» и вместо этого сосредоточимся на уровне событий, действий людей и процессов. Но в той мере, в которой структуры культуры остаются важными для антропологии в качестве описательного уровня исследования, нам, несомненно, придется меньше пользоваться структурными моделями, которые неизбежно потеряют в своей привлекательности, как только мы откажемся от поиска скрытой сущности вещей. Если предметом нашего исследования станет разнообразие контекстуализированных взглядов и рассредоточенной культурной материи, из которой возникают события и действия, и если нашими интересами охватываются также те процессы, через посредство которых эти события и действия могут либо воспроизводиться, либо изменять необходимые условия своего собственного существования, то нам, со всей очевидностью, потребуется создание системных моделей определенного типа.

Мы должны, вероятно, решить задачу построения моделей, представляющих неупорядоченные системы, системы в состоянии постоянного изменения, форм, находящихся одновременно в состоянии диффузии и возникновения. Предстоит еще множество теоретических дискуссий, прежде чем мы узнаем, что из этого следует и как это может быть осуществлено. Преждевременная поддержка теории хаоса или других новых захватывающих идей приведет, вероятно, к возникновению новых пунктиков и новой путаницы. Но прежде всего мы должны стремиться к достаточной достоверности наших описаний и к выявлению тех концепций и моделей, которые необходимы для осуществления задачи описания в духе высокого натурализма и релевантности, а не в духе формализма и неуместной здесь интеллектуальной элегантности⁴.

Все понятия — спорные. Указанный подход становится еще более необходимым, если мы примем во внимание такое свойство значений-понятий, как их оспоримость. С учетом этого качества наши материалы становятся еще менее надежными. Более того, из-за контекстуальности и множественности взглядов спорность материалов возрастает многократно.

Подрывая даже те основы, которые могли все еще казаться незыблемыми, мы должны сознавать, что не только любая интерпретация, а отсюда и смысл каждого события являются оспоримыми с совершенно разных точек зрения, но что они остаются таковыми и по прошествии времени. «Происшедшее» продолжает вечно оставаться спорным. Любое достигнутое сегодня согласие во мнениях может быть отвергнуто завтра, если люди возвратятся к своей памяти о прошлых событиях и дадут им новую интерпретацию, сделают выводы из нового понимания прошедших событий, не только переписывая таким образом историю, но и буквально изменяя причины настоящего.

Антропологическая традиция одиночной полевой работы так же, как и наша порой самая тщательная работа по документации и верификации материалов о растянутых во времени событиях, долгое время предохраняли нас от разрушительного воздействия этой мысли. Сквозные исследования и пронизательность Элизабет Колсон, позволившие ей понять то, что содержалось в полученных материалах, привели ее к признанию принципа непрерывной «переоценки опыта»⁵.

В первый момент осознание этого может вызвать ощущение уходящей из-под ног почвы: реально происшедшее перестает быть неоспоримым фактом. Любая попытка создать синтетическое его описание оказывается не очень интересной и

важной, поскольку для тех, кто был участником прошлых событий и живет теперь их последствиями, подобного рода описание будет представляться главным образом как смешение непризнанных причин, отвергнутых интерпретаций и забытых подробностей. Действительно же важные данные, т. е. данные о том, как различные люди, пользующиеся различными элементами интеллектуальных схем, создают в ходе своих перемежающихся инновационных взаимодействий собственные интерпретации, никогда не могут выстроиться в единое, поддающееся проверке описание, поскольку упорядочить их не представляется возможным.

Наша задача состоит не в придании материальной достоверности иллюзорному факту или структуре, а в фиксировании наблюдаемого нами потока событий. Только с помощью таких данных мы можем надеяться на разработку достоверных моделей того, как происходят совместные действия, общение и выработка понятий между людьми.

Как увеличить действенность нашей аналитической работы

Если люди, обладающие различными установками, привносят в свои дискуссии различные, а возможно, и совершенно несовместимые представления о мире и соответственно предлагают свои, противоречащие другим интерпретации того, что происходит между ними и вокруг них, то как мы можем ожидать схождения в их понятиях и представлениях? Между тем наши полевые материалы фиксируют значительную степень общности в концепциях, идеях, космологических воззрениях и во всех других чертах культуры любого человеческого сообщества. Возможно ли возникновение и воспроизводство такого схождения в условиях борьбы, соревнования и трансформации памяти, которые я отношу на счет особенностей взаимоотношений между членами этих сообществ?

Честно говоря, мы не выработали каких-либо теорий, моделей или способов анализа, которые ответили бы нам на этот вопрос. Однако интуиция подсказывает мне, что при наличии соответствующего концептуального инструментария мы могли бы показать, что это возможно. Мощной силой, направленной к конвергенции, повсеместно выступает присутствующая почти во всех контактах между людьми надежда на взаимопонимание и на равное соучастие в делах реального мира.

Я уже давно настаиваю на том, что для увеличения действенности нашей аналитической работы необходимо перейти от обобщающих моделей культуры к генеративным моделям процессов⁶. В новейших течениях современной антропологии я приветствую отступление от увлечения абстрагированием культуры и переход к тем множественным, более разнообразным уровням событий, действий, опыта, вариаций, контекстов и более крупных систем, для которых характерно всепроникающее влияние культурных процессов, а не просто наличие элементов культурного единообразия.

Я особенно настаиваю на необходимости разрабатывать модели неупорядоченных систем, способные представлять крупномасштабные социальные и культурные миры-сообщества без какой-либо гиперболизации и превращения некоторых бросающихся в глаза закономерностей в идеализированные признаки «целого». Непреодолимых трудностей на этом пути не возникает, но потребуются новаторские решения в вопросах моделирования. И прежде всего будут необходимы отход от наших негласных концептуальных традиций и готовность к более сложному восприятию моделируемого нами мира.

Именно в тех самых отклонениях от нормы, которые проявляются в различных вариациях и колебаниях форм, зачастую скрытых при действиях, направленных на гомогенизацию и выделение сути явлений, могут фактически содержаться ключи к динамике нашего предмета. Подобным же образом на микроуровне нам необходимо проследивать и моделировать те разнообразные процессы, которые порождают противоположные и дивергентные тенденции, а также выстраивать

векторы сил, которые могут коренным образом изменить сложносоставные формы явлений.

Никакой ловкостью рук нельзя заменить кропотливую работу по составлению и сведению воедино разрозненных и взаимопересекающихся связей. Однако если мы не сможем дать хотя бы самое упрощенное описание того, как связаны между собой более крупные формы и происходящие внутри них процессы и как они реализуют свою вариабельность, то это будет означать, что мы не смогли добиться нужной степени естественного здравого смысла, которое является первым условием действительного понимания вещей. В той мере, в которой мы создаем такие описания, мы обнаруживаем также, что они связаны с миром более непосредственно и в смысле разнообразия создаваемых людьми и проектируемых ими на этот мир понятий, и в смысле последствий их влияния на свое окружение. Это позволяет нам более эффективно воздействовать на мир и увеличивать действенность нашей дисциплины, что и требуется для преодоления ее современного кризиса.

Примечания

¹ Это, конечно, не общеразделяемая посылка в тех мирах, что конструируются людьми, но она берет свое начало в одном из современных течений западной мысли и в значительной мере обязана своим выражением М. Веберу.

² См., например, *Borofsky R. Making History: Pukapukan and Anthropological Constructions of Knowledges. Cambridge, 1987.*

³ *Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies//Ethnos. 1989. № 54. P. 120—142.*

⁴ *Sperber D., Wilson B. Relevance: Communication and Cognition. Cambridge (Mass.), 1986.*

⁵ *Colson E. The Reordering of Experience: Anthropological Environment with Time//Journal of Anthropological Research. 1984. № 40. P. 1—13.*

⁶ *Barth F. Models of Social Organization//Royal Anthropological Institute. Occasional Papers. 1966. Vol. 23.*

Перевод В. А. Парицкого

A Personal View of Present Tasks and Priorities in Cultural and Social Anthropology

Cultural and social anthropology's place within humanities is considered. The autor examines the goals to which this discipline is and could be applied. He argues that the anthropologists should gather together fragments of classical anthropology and rethink its urgent tasks.

F. Barth